

поиске решения проблем социального и политического неравенства и гендерного дисбаланса в современных обществах.

Идеи Хабермаса в своей сути повторяют основной парадокс феминизма, наиболее четко представленный Моник Виттиг⁷ – в идеале, феминизм, выступающий за равноправие людей и равноценность любой личности вне зависимости от признака пола, должен вообще отказаться от категории «женщины», которая как раз подчеркивает важность существования этого признака в обществе; но, отказавшись от категории «женщины», феминизм рискует потерять всякий смысл. По Хабермасу, для того чтобы услышать интересы и требования различных идентичностей в публичном пространстве, необходимо отказаться от восприятия агентов, представляющих эти инте-

ресы и требования, как носителей определенной идентичности и прибегнуть к услугам критического разума, заботясь прежде всего о соблюдении личной автономии каждого члена общества.

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Наука, 2006. 377 с. С. 33.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Логос, 2005. 289 с.
3. Во многом на практике конъюнктурно извращенными некоторыми толкователями этих идей.
4. Felsky R. The gender of modernity/ The Presidents and Fellows of Harvard College, 1995. 247 pp.
5. Черных А. Мир современных медиа. М., 2007. Гл. 4. <http://culturca.narod.ru/Cher1.htm>.
6. Johnson P. Distorted communications: Feminism's dispute with Habermas/ Philosophy & Social Criticism. Vol. 27 no 1, 2000. pp. 39–62.
7. Виттиг М. Женщиной не рождаются. URL: <http://www.lib.proza.com.ua/book/1814>.

Е.В. Ишменев

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ СИСТЕМНОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.ХАБЕРМАСА

Ишменев
Евгений Васильевич

аспирант Института
философии и права
УрО РАН, доцент
МАДИ

Особую актуальность изучению проблем информационного общества в контексте соотношения его системных и повседневных особенностей придают исследования, представленные в рамках коммуникативной теории. В отличие от большинства подходов, ориентированных на определение специфики информационной сферы, в теории коммуникации отдельное внимание уделяется рассмотрению социальных характеристик процесса информатизации. Объектом изучения в этом случае выступают социальные акторы,

участвующие в «производстве» и «потреблении» информации, а также социальный контекст, определяемый теми социальными условиями, в которых происходит «обращение» информации. При этом изучение контекста не ограничивается анализом ситуативных особенностей коммуникативных событий, но включает в себя институциональные, исторические, прагматические и другие факторы, влияющие на поведение участников коммуникации.

В рамках обозначенной проблематики особый интерес представляет дискурсивный анализ коммуникативной сферы. Специфика дискурсивного анализа определяется не только рассмотрением лингвистических особенностей коммуникации, но также обращением к анализу экстралингвистических особенностей. Изучение последних обусловлено попыткой представить поведение участников коммуникации как результат рационального выбора той или иной коммуникативной стратегии [Кубрякова, Цурикова 2008]. То есть коммуникативные действия участников ставятся в зависимость от их целей, интересов, институ-

циональной принадлежности, а также различных способов социальной, политической и культурной идентификации. Смещение акцента в сторону анализа экстралингвистических особенностей дискурса позволяет оценить коммуникативное поведение с точки зрения его эффективности. При рассмотрении коммуникативного действия в соотношении с целями и позициями участников возникает возможность представить коммуникацию как «конечный» процесс, имеющий определенные результаты.

Как представляется, актуальность рассмотренного способа описания коммуникативной сферы определяется тем, что многообразие дискурсивных различий, детерминируемых как системными, так и повседневными особенностями коммуникации, проблематизируется здесь в контексте институционального изучения. Различие коммуникативных действий и стратегий рассматривается в качестве различных способов рационализации действительности, что позволяет уйти от *«излишней субъективности»* в оценки процесса информатизации. Признание возможности различных способов рационализации занимать «свое» место в общей стратегии коммуникативного процесса позволяет оценить степень влияния системного и повседневного дискурса в обществе. В тоже время к достоинствам данного направления можно отнести попытку комплексного осмысления теорий рационального выбора, социального действия и лингвистической теории, что заметно расширяет предметное поле исследований классической теории институтов.

Представленная перспектива исследования становится основой для формирования качественно новых оценок коммуникации в обществе. При введении в исследовательское поле таких характеристик социальности как «повседневная практика» или «жизненный мир», учитывая при этом принадлежность последних к институциональной среде, принципиально новую оценку получает пространство *«публичной политики»*. На примере работ классиков франкфуртской школы – Адорно и Хоркхаймера – можно обнаружить, как изучение политических феноменов в XX веке все чаще смещается в сторону анализа публичности. Кульминацией данных исследований становится взгляд Хабермаса, у которого данное понятие обретает характерный эврис-

тический смысл, и позволяет выйти за рамки критических воззрений «франкфуртцев» о роле процессов «инструментализации» и «массовизации» в политике. Рассматривая публичность в контексте двух обозначенных процессов, Хабермас выделяет новые формы политического участия. Принимая пессимистические воззрения «других» представителей школы «о деградации основных установок Просвещения», Хабермас однако обнаруживает *«иные»* – отличные от просвещенческих – способы институциональной вовлеченности. Наиболее значимыми для него в этом случае оказываются сфера массовой коммуникации, представленная в различных способах взаимодействия журналистов и аудитории, а также разного рода «дискуссионные» практики, отражением которых выступают «клубы интересов», «салоны» и т.д. Формирование новых способов политической вовлеченности Хабермас описывает как процесс колонизации жизненного мира [Stevenson 2002 : 52]. При этом условием подобной колонизации становятся новые формы социальной рациональности, имеющие межинституциональный и интересубъективный характер.

Признавая важную роль государственного управления и экономических стимулов в развитие процесса колонизации, Хабермас в тоже время акцентирует внимание на особой роли контекстуальных элементов коммуникации. Контекстуальная привязка при этом выступает основой «демократических преобразований» и имеет основополагающее значение при рассмотрении такого важного для его теории концепта как «идеальная коммуникативная ситуация». Несмотря на то, что изучение контекстуальных особенностей Хабермаса представлено главным образом с позиций идеи гражданского общества, где приоритетным считается осознанное участие граждан в политике. Тем ни менее, при анализе коммуникативного контекста в его работах также можно обнаружить элементы критики, обращенной в сторону самого способа организации современных институтов.

Так, разделяя два типа прессы: на «качественную», основным источником финансирования которой выступает реклама; и «таблоиды» – в большей степени зависящих от количественных показателей аудитории. Хабермас отмечает,

что популярная пресса снижает возможность рациональных дебатов, а также способствует росту фрагментации, что в свою очередь заметно деполитизирует массы, лишая их возможности обсуждения таких важных проблем как собственная политическая культура [Stevenson 2002 : 53]. Представленный пример показателен, как с точки зрения общей оценки творчества Хабермаса, так и его оценки в рамках франкфуртской школы. Следуя традиции школы, обращенной к критическому осмыслению культурных форм модер-

нистского общества, Хабермас предпринимает попытку представить проблему в контексте институциональных практик, что заметным образом сближает его с современными авторами.

Литература:

Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. 2008. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности. – Язык СМИ. М.

Stevenson N. 2002. Understanding Media Cultures. Social theory and Mass communication. London.

**КОНФЕРЕНЦИЯ
«КУЛЬТУРА ГЛАМУРА:
ЦЕННОСТИ, ДИСКУРС, ПРАКТИКИ»
(ЕКАТЕРИНБУРГ, ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
11 ДЕКАБРЯ 2009 Г.)**

Г.А. Брандт

**ГЛАМУР КАК ДИСКУРС: ОЧЕВИДНЫЕ
НАБЛЮДЕНИЯ**

Брандт
Г.А.

доктор философских
наук, зав. кафедрой со-
циально-гуманитарных
дисциплин Гуманитар-
ного университета

Речь в докладе пойдет не о дискурсивном анализе гламура – деле тонком и требующем тщательной проработки гламурных текстов, а, наоборот, о взгляде на гламур с высоты птичьего полета. Здесь будет осуществлена фиксация обозначения в самом общем виде его дискурсивных границ. И соответственно тех влияний на формовку современного субъекта, которые эти ограничения оказывают.

Прежде всего, опять о понятии «дискурс». Какие бы толкования в отечественном знании не бытовали, в основе все равно не может быть не учтена та парадигма использования этого понятия, которая была задана изначально. Речь о том первоначальном импульсе, который и «выстрелил»

у М.Фуко в возникновении данной дефиниции. В самом общем виде эта парадигма может быть представлена как характеристика некоего языкового поля, в которое попадает субъект. Это, говорит Фуко, то, что «находясь вне нас, нас ограничивает», это некая социально детерминируемая рамка, сквозь которую субъект осуществляет познание как окружающего мира, так и самого себя. При этом стоит иметь в виду, что и субъект для Фуко не есть субстанция или статус, а есть некая форма, которая имеет исторически изменчивую конституцию. Собственно дискурс и представляет собой один из ведущих конструкторов этой меняющейся формы.

Если говорить о самой дефиниции, то, следуя парадигме фукианской мысли, я бы определила дискурс как *отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочивания действительности*. (При этом надо, конечно, помнить, что язык у Фуко понимается в самом широком смысле как метафора означивания мира, способа его репрезентации и первичного структурирования). Интересна художественная интерпретация этого понятия в романе В. Пелевина «Empire V», где «гламур» и «дискурс»